

"Боги", - выдохнул Джон, глядя с отвисшим ртом на Эймона, который за время его отсутствия каким-то образом превратился из младенца в ребенка, ходил на прямых пухлых ножках, но с равновесием, далеко превосходящим детское. Он никогда больше не хотел идти на войну, никогда не хотел проводить так много времени вдали от своей семьи, никогда. Неважно, насколько сражения заставляли его кровь кипеть, неважно, как сильно его сердце признавалось в том, что он наслаждается ими, их стремительностью и знанием того, что он делает что-то, в чем он был бесспорно хорош, это не стоило того, чтобы упускать что-то столь важное. "Как он стал таким большим?"

"Такого рода вещи, как правило, происходят", - сказала Маргери, обернув свои руки вокруг его талии. Теперь ее макушка касалась его виска, что было едва ли большим отличием, чем когда он уходил. По крайней мере, они двое, похоже, перестали расти. Она была в его объятиях, как и тогда, когда он ушел. "Моя бабушка настаивает, чтобы ты выбрал другого Десницу", - добавила она. "До сих пор это было забавно, но она решила, что предпочитает оставаться за кулисами. Она назначила Аурана Уотерса Мастером над Кораблями и также приказала повесить Петира Бейлиша за растраты, так что нам не хватает Мастера над Монетой и Десницы Короля".

Джон застонал. "Я только что вернулся", - сказал он ей. "Все это может подождать до завтра, верно?"

Она улыбнулась и поцеловала его в уголок рта. "Все это проще, чем иметь дело с этими озорниками", - сказала она, стараясь говорить мягко. Затем, с той озорной улыбкой, которая все еще заставляла его желудок делать сальто, она перевела взгляд на детей. "Щеночки", - позвала она. "Папа дома, или вы не заметили?"

Все трое детей, как один, повернулись к ним, широко раскрыв глаза. Дункан был быстрее всех, и, Боги, когда это его ноги стали такими длинными? Когда он успел так вырасти? Но тогда Джон уже не мог тратить время на размышления о потерянном времени, потому что его старший сын был в его объятиях, обнимая его за плечи. Все, что Джон мог сделать, это прижать его к себе, поцеловать в волосы, надеясь, что он не слишком взрослый для этого; четыре, напомнил он себе, Дункану было только четыре именины, он не мог быть слишком взрослым для этого; и попытаться сдержать собственные слезы. Мгновение спустя Лиарра врезалась ему в ноги, и Джон поднял ее тоже, зарывшись лицом в ее непослушные черные кудри. Его сердце, казалось, завязывало узлы на себе, и это причиняло ему сильную боль, но с такую сладкую боль, которую Джон мог бы выносить вечно, если бы это означало, что он сможет держать своих детей на руках. Он присел на корточки, все еще прижимая к себе двух своих старших детей, и встретился взглядом с Эймоном.

"Папа?" Спросил Эймон, неуверенно глядя на него. Он еще не говорил как следует, сказала ему Маргери, но когда Джон ушел, он все еще только лепетал, едва успевая произнести несколько слов, и большинство из них были только догадками с конца Джона и Маргери. Джон никогда раньше не слышал этого слова из его уст, и ему пришлось сморгнуть слезы, когда его младший сын смотрел на него темными, фиалковыми глазами на лице матери, настороженно в течение долгих мгновений, прежде чем последовал примеру своих брата и сестры и закрыл пространство, которое разделяло их, позволяя Джону обернуть его свободной рукой. Джон позволил себе плюхнуться в сидячее положение, помог всем троим забраться к нему на колени, и прижимал их к себе так долго, как они только могли терпеть, пока даже их давно отсутствующий отец не наскучил им и они не вернулись к своей игре.

"Я рассказывала им о тебе каждый день", - сказала Маргери, усаживаясь рядом с ним, чтобы понаблюдать за их детьми, ее движения были легкими и изящными. "Как и твои сестры. И

Призрак все это время был здесь, чтобы присматривать за ними". Он обнял ее за худенькие плечи и притянул к себе. "Их любимая история - о том, как вы с Роббом притворились призраками в склепах Винтерфелла и напугали до смерти своих сестер".

Джон проглотил внезапно подступивший к горлу комок. "Это было за несколько дней, прежде чем я был узаконен, чтобы уйти", - сказал он. "Мы с Роббом давно хотели сделать что-нибудь подобное. Это был наш последний шанс. Наше последнее большое приключение перед тем, как нам пришлось расстаться". Он замолчал на мгновение, склонив свою голову к ее. И вдруг он почувствовал такую тяжесть, словно его придавило что-то, чему он не мог дать названия. На нем даже не было короны. "Робб собирается жениться через несколько лун", - сказал он. "Я возьму Длинного Когтя. Взять детей... Как бы я ни хотел, чтобы они узнали Север, они еще не готовы к такому путешествию. Отец говорил, что я несколько раз чуть не умер, пока он вез меня в Винтерфелл". Он сделал паузу и сглотнул. "Алис Карстарк - хорошая партия в политическом плане. Робб должен жениться на той, в ком течет кровь Первых Людей, учитывая, как много в нем и так есть. И если женщина, которой она сейчас является, хоть немного похожа на ту девушку, которой она была, он должен считать себя счастливым. У наших детей скоро могут появиться двоюродные братья и сестры. То есть их станет больше".

Она мягко улыбнулась и снова поцеловала его в щеку. Он подумал, не предпочтет ли она, чтобы он сбрил бороду, которую отрастил из-за нехватки времени во время кампании на Западных Землях.

"Думаю, это просто напоминает мне о том как было у нас", - сказал Джон. "Возможно, я осознал все это, когда мы поженились или, по крайней мере, когда родился Дункан. Но, честно говоря, большую часть этого времени я все еще чувствовал себя мальчишкой. Я до сих пор не могу осознать всего этого. А Робб, даже когда я увидел его снова, был все еще, по крайней мере, наполовину тем же мальчиком десяти именин, каким он был, когда я уезжал".

"Джон", - сказала она очень мягким и нежным голосом. "Тебе восемь и десять именин. Мне - девять и десять. Перестань делать вид, что мы вот-вот поседем. Это не так. У нас впереди еще много хороших лет. Возможно, мы начали раньше, чем большинство. Но, возможно, это просто означает, что мы получим больше тех лучших лет нашей жизни, о которых так любит говорить моя бабушка".

Он улыбнулся, испытывая странное чувство, как будто часть этого ужасного груза была снята. Выдохнув воздух, который он и не подозревал, что задержал, он повернул к ней голову и поцеловал в губы. Она тут же ответила ему, приоткрыла губы, обвила руками его шею, и внезапно Джон с болью осознал, что прошло уже несколько лун с тех пор, как он в последний раз ощущал прикосновения жены. Он застонал, поднялся на ноги и потянул ее за собой. На мгновение он прервал поцелуй. "Пошли", - сказал он. "По крайней мере, они еще не настолько взрослые, чтобы это видеть".

Она рассмеялась ему в щеку, крепко обняв за шею, и позволила увести себя подальше от глаз детей, прежде чем он подхватил ее на руки и понес в их апартаменты. Где-то позади них Сир Освелл, вероятно, ворчал себе что-то под нос и закатывал глаза. Честно говоря, Джона это нисколько не волновало.